

Е.И. Исмагилова (г. Новосибирск)

**ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР ЧУВАШСКИХ
ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ:
РУКОПИСЬ С.М. МАКСИМОВА
И СОВРЕМЕННЫЕ АУДИОМАТЕРИАЛЫ**

Аннотация. В статье рассматривается бытование песенного фольклора, зафиксированного от чувашских переселенцев Кемеровской области в разные периоды: середина XX и начало XXI в. Описываются рукописные материалы С.М. Максимова и современные аудиозаписи, полученные в результате музыкально-этнографических экспедиций 2007 и 2022 гг.

Ключевые слова: песенный фольклор сибирских чувашей, чувашский композитор С.М. Максимов, народные песни Кемеровской области, локальная фольклорная традиция.

В течение первой половины XX в. на территорию современной Кемеровской области, так же как и на другие территории Сибирского региона, переселялись тысячи чувашей с Поволжья. При том, что чувашская традиционная культура в течение многих десятилетий продолжила свое активное бытование на сибирской земле, запись чувашского фольклора в Сибири вплоть до начала XXI в. практически не велась. Исключение составляют поистине уникальные записи выдающегося чувашского композитора и фольклориста С.М. Максимова, выполненные им в 1951 г. в Кисилевском (ныне Прокопьевском) районе Кемеровской области.

Степан Максимович Максимов приезжал в Кемеровскую область вместе с поэтом Петром Петровичем Хузангаем в мае—июне 1951 г. Основная цель поездки композитора — встреча с родственниками, двумя братьями и сестрой, переселившимися вместе с родителями в Сибирь из с. Яншихово-Норваши Цивильского уезда еще в 1908 г. Известно также, что С.М. Максимов к этому моменту тоже принял решение переехать в сибирскую сельскую глубинку и заниматься там преподаванием, как когда-то в

годы своей молодости [3, с. 299]. Этим планам, однако, не суждено было сбыться: композитор скончался 26 августа 1951 г.

Результатом этой последней в жизни композитора поездки явилась рукопись, содержащая чувашские народные песни. Вероятно, С.М. Максимов надеялся выполнить в Михайловке эти записи, поскольку взял с собой нотные и простые тетради. Песни, в том числе их мелодии, фиксировались в процессе исполнения — «на слух». По свидетельству Максимова, им был зафиксирован весь местный репертуар — 43 песни [3, с. 297]. Большая часть песен была записана в Михайловке, несколько образцов — в соседней чувашской деревне Оселки, а также в Кемерово, от чувашей, переехавших жить в город.

Рукопись с сибирскими материалами на протяжении более чем 70 лет хранится в семейном архиве потомков композитора, в настоящее время — у внучки композитора А.Л. Максимовой. В 2021 г. новосибирским фольклористам в ходе работы над грантом Российского научного фонда 19-78-10113 «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов» (руководитель П.С. Шахов) удалось получить копию рукописи и разрешение наследницы изучать эти материалы.

Рукопись включает в себя три тетради: две нотные — с записями мелодий и текстов песен, выполненных непосредственно во время исполнения, и одну простую («Тетрадь для записи под карандаш») — с переписанными набело текстами песен. Что касается жанрового состава, то здесь преобладают гостевые песни (18 образцов), повествующие о родственниках и родственных отношениях и исполняющиеся, как правило, во время застолий. Широко представлен и пласт традиционной чувашской лирики: композитором было зафиксировано 16 образцов краткосюжетных песен (*савра юрӑ*). Кроме того, в рукописи присутствуют пять рекрутских песен, а также единичные образцы других жанров (свадебная, хороводная, шуточная песни, повествовательный текст с балладным содержанием — *баит*). В конце тетради с текстами присутствуют очень краткие этнографические комментарии: *Ёлӑк Сибирьте туй тунӑ. Хусанӑн Хусанла, савӑн пекех выйлӑ туман. Вӑйй тӑваççӗ.* (Раньше в Сибири свадьбы играли. Казанские по-казански, но такую дорогу [свадьбу] не справляли. Хороводы проводят). Однако же, отмечая живую традицию

бытования обрядовых и календарно-приуроченных жанров, песен, сопровождающих свадьбу и хороводы, композитор по каким-то причинам практически не фиксировал. Для нас же ценны и эти несколько строк, поскольку они в целом совпадают с нашими наблюдениями над традиционной культурой сибирских чувашей.

В 2007 г. в с. Михайловка и соседние деревни состоялась музыкально-этнографическая экспедиция Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки (под руководством Н.В. Леоновой). В Михайловке, Пушкино и Чапаево были записаны чувашские песни (48 образцов) и рассказы о проведении праздников, народных обычаев и обрядов (результаты этой экспедиционной поездки подробно описаны в публикациях ее участников [5; 6].

В сравнении с песенными образцами, содержащимися в рукописи Максимова, зафиксированные экспедицией 2007 г. песенные образцы более разнообразны по жанровому составу. Исследователи старались максимально охватить все жанровые сферы чувашского песенного фольклора. Оказалось, что и среди записанных в начале XXI в. велик удельный вес пласта песен поздней традиции. Часть из этих песен были выучены с кассет, привезенных из с. Яншихово-Норваши Янтиковского района Чувашии [михайловский певческий коллектив «Хёлхем» («Искра») с конца 1970-х гг. поддерживает тесные связи с яншиховским Домом культуры]. Также были записаны частушки с чувашскими и русскими напевами, свадебные песни (в том числе чрезвычайно редко фиксируемые плачи невесты), отдельные образцы хороводных, масленичных, рекрутских, гостевых и колыбельных песен, а также две песни, заимствованные из русского фольклора.

Песенные варианты к образцам, зафиксированным С.М. Максимовым, в эту экспедиционную поездку записаны не были. Это произошло, во-первых, потому что собиратели фольклора в 2007 г. не могли знать, какие песни содержатся в рукописи Максимова, и, соответственно, не имели возможности предметно опрашивать исполнителей, выясняя у них знание конкретных текстов. Во-вторых, современные исполнители зачастую оказывались носителями других локальных традиций, чем те жители Михайловки, с которыми общался в середине XX в. композитор. Согласно паспортным данным исполнителей, сопровождающим часть нотировок, С.М. Максимов записывал фольклор не только от выходцев из Янтиковского района Чувашии. Среди его информантов

были чувашши, приехавшие из Стерлитамакского уезда (ныне Зилаирский район Башкирии), Чистопольского района Татарстана. Участникам экспедиции 2007 г. удалось пообщаться с потомками выходцев из с. Яншихово-Норваши Янтиковского района и из Канашского района Чувашии. Ситуация осложняется еще и тем обстоятельством, что современные носители традиции во многих случаях уже точно не помнят, откуда приехали их родители и деды.

В третьих, скорее всего, у композитора в середине XX в. и у этномузыкологов начала XXI в. все же были разные собирательские установки. С.М. Максимова в значительно большей степени привлекала неприуроченная лирика, а также гостевые и рекрутские песни. Возможно, именно этот пласт фольклора, с часто встречающейся в его образцах темой разлуки и горестного расставания, был особенно актуален для чувашских переселенцев непосредственно вскоре после отъезда с родины, коллективизации, Великой Отечественной войны и других потрясений первой половины XX в. [2]. Обрядовый же фольклор С.М. Максимов почти не фиксировал, хотя и констатировал факт его живого бытования. Возможно, композитора не привлекала этнографическая составляющая музыкальной фольклористики, или же были еще какие-либо причины, например, незаинтересованность самих носителей традиции в исполнении календарного или семейного фольклора вне обрядового контекста. Во время же полевой работы в 2007 г. исследователи старались максимально полно зафиксировать всю существующую (часто в практике пассивного хранения) на тот момент жанровую палитру.

Полученная в 2021 г. копия рукописи чувашского композитора инициировала еще одну экспедиционную поездку в Прокопьевский район Кемеровской области. В августе 2022 г. туда отправились сотрудники Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Е.И. Исмагилова, А.С. Яковлева) и Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки (Н.В. Леонова). На этот раз собиратели фольклора имели с собой тексты песен, зафиксированных в этих местах более 70 лет назад и, соответственно, могли предпринять попытку записать варианты к этим песням. И хотя была очень маленькая надежда на то, что удастся обнаружить в Михайловке какие-либо воспоминания о приезде туда композитора, тем более встретиться с очевидцами этого события, мы все же ставили перед собой за-

дачу собрать любую информацию о пребывании С.М. Максимова в Кемеровской области.

Результаты этой короткой пятидневной поездки оказались весьма впечатляющими! К удивлению и радости, нам удалось пообщаться с тремя людьми, помнящими приезд Максимова и Хузангая в 1951 г. Среди них Тимофей Софронович Исаев (1925 г.р.), Анна Порфирьевна Елауркина (1931 г.р.) и дальняя родственница композитора, Галина Алексеевна Костоломова (Иванова, 1946 г.р.). Из бесед с ними была получена информация о том, как именно осуществлялась запись песен — композитор сначала встречался с хоровым коллективом «Хёлхем», организованным в 1943 г. при сельском Доме культуры (художественный руководитель и дирижер И.С. Ястребов). В рукописи присутствует список песен, составляющих репертуар этого коллектива. Среди них народные и авторские произведения (например, песня композитора Ф.М. Лукина «Пирён ялån»). Затем композитор ходил по домам михайловцев, общался с ними и записывал песни от отдельных исполнителей.

С помощью рукописи и воспоминаний жителей села удалось уточнить имена и другую информацию о людях, запечатленных на фотографии, иллюстрирующей приезд чувашских деятелей искусства и литературы к своим сибирским соплеменникам (ныне эта фотография хранится в музее с. Яншихово-Норваши) [3, с. 298]. В верхнем ряду (слева направо, стоят): Фурсева Екатерина (жена Е.Т. Индикеева, директора школы), Филиппов Николай Петрович (1873 г.р., приехал в Михайловку в 1907 г. из д. Яманзас Стерлитамакского уезда (ныне Зилаирский район Республики Башкирия), слепой, Иванов Алексей Иванович и его жена Иванова Фекла Федоровна (родственники С.М. Максимова, родители нашей информантки Г.А. Костоломовой), мать А.И. Иванова Федосья Петровна Иванова — двоюродная сестра композитора (в платке, стоит за ним). В нижнем ряду, сидят: директор школы, преподаватель немецкого языка Ефим Тимофеевич Индикеев, поэт Петр Петрович Хузангай, Ефим Петрович Савельев, композитор Степан Максимович Максимов (см. фотографию). Снимок был сделан на фоне сельского клуба, в ту пору деревянного. Для нас же особенно ценным является то, что благодаря этой фотографии можно увидеть портреты двоих исполнителей, от которых Максимов записывал песни. Это Н.П. Филиппов и Ф.Ф. Иванова.

В Михайловке, Пушкино и пос. Чертинский Беловского района в период работы фольклорной экспедиции было записано несколько десятков песен различных стилевых пластов (подробнее о результатах полевой работы в Прокопьевском районе см. [1]). Среди них любимые участниками фольклорного коллектива «Хёлхем» песни, созданные в XX в. специально для самодеятельных народных хоров. Однако в репертуаре коллектива до недавнего времени присутствовали и традиционные чувашские песни, ранее бытовавшие именно в Михайловке. Нужно сказать, что в последние десятилетия источником для пополнения репертуара местного коллектива часто служат аудиозаписи на кассетах и дисках, привозимых и присылаемых из Чувашии, в том числе из с. Яншихово-Норваши Янтиковского района. В настоящее время источником новых произведений для коллектива, как и повсеместно, является Интернет.

Песни, содержащиеся в рукописи С.М. Максимова, являются еще одним важным «ключом» для изучения динамики развития местной песенной традиции (тексты рукописи были переведены на русский язык Е.В. Федотовой, за что мы выражаем ей большую благодарность). Нами были записаны пять песен, являющихся вариантами к текстам из рукописи. Среди них песня «А́ста каян,

чĕкеç?» («Куда летишь, ласточка?»). Это произведение в его современном бытовании относится к гостевым песням. Начальные строки двух первых строф ранее являлись строками ритуального текста, исполняющегося во время похорон, при прощании с умершим (*юпа юрри*). В настоящее время это произведение воспроизводится в обрядовом контексте лишь в некоторых локальных традициях чувашей Башкортостана и Татарстана [4, с. 257].

В рукописи Максимова в варианте этого текста после каждой двустрочной строфы появляется припев со словами о жизни в Сибири [записано в г. Кемерово от Анны Николаевны Ивановой (Сумбаевой)]. Таким образом, происходит жанровая трансформация: из гостевой в песню переселенцев.

Чувашский текст

Аста каян, чĕкеç, сáмáр витĕр
Ик сунатту вĕсне йĕпетсе?
Эй, хир хáви аслá шыв хĕрринче,
Иртет ёмёр Сибирь сĕрĕнче.

Русский перевод

Куда летишь, ласточка, сквозь дождь,
Кончики двух крыльев заставляя мокнуть?
Эй, степная ива на берегу большой реки,
Проходит жизнь на земле Сибири.

Аста каян, тáван, мана пáрахса,
Ик куçáнтан куçсуль юхтарса?
Эй, хир хáви аслá шыв хĕрринче,
Иртет ёмёр Сибирь сĕрĕнче.

Куда уходишь, родственник, меня бросая,
Из своих двух глаз слезы заставляя течь?
Эй, степная ива на берегу большой реки,
Проходит жизнь на земле Сибири.

В образце, записанном от современных исполнительниц, песня звучит именно как гостевая, без припева о жизни в Сибири. В остальном же текст практически остается без изменений (кроме его сокращения до двух строф вместо пяти, как в рукописи), при этом каждая строка повторяется дважды. Можно предположить, что вариант, зафиксированный Максимовым в г. Кемерово от А.Н. Ивановой (Сумбаевой), не был напрямую связан с песенным репертуаром с. Михайловка. Возможно также, что нынешние исполнительницы познакомились с этой песней не через свою локальную традицию, а путем освоения общечувашского репертуара с помощью опубликованных текстов.

Рассмотрим еще одну песню в ее рукописном варианте и в современной аудиозаписи. Эту песню «Жилем-ши» («Приду ли?») С.М. Максимов записал от своей родственницы Ф.Ф. Ивановой. В 2022 г. нам удалось зафиксировать эту песню от ее дочери, Г.А. Костоломовой (Ивановой). Текст, в целом, сохраняется, хотя в более позднем варианте он неполный, сокращен до

Нотный пример 1. Песня из рукописи Максимова

f Mod[erato]

Ки-лем-ши, ки-лем мар-ши? Эп кил-ни-шён куль-лян-мас-тáп.

Ки-лей мен-шёншут-сáр куль-ля-нап.

двух строк (в записи Максимова их четыре). В отношении напева укажем, что при сохранении слогоритмической основы и общего контура мелодической линии, ее интонационный состав в двух рассматриваемых образцах различный. В современной записи отчетливо проступает тонально-гармоническое мышление исполнительницы (ср., например, начальную интонацию мелодии — трихорд в объеме кварты (нотный пример 1) и движение по звукам трезвучия (нотный пример 2). Изначальная пентатонная основа ярче проступает во второй части напева (третья и четвертая строки). При этом исчезает распевность, мелодия становится строго силлабической.

Среди перспектив настоящего исследования укажем на необходимость дальнейшей текстологической работы с нотировками рукописи, направленной на максимально верное прочтение

Нотный пример 2. Вариант, записанный в 2022 г.

Ки - лем - ши, ки - лем ма - рши.

Ки - лем - ши, ки - лем ма - рши.

Эп ки - лё-шён ку-ля-нма-стап, еи - лей - ме-ншён шу-тсáр ку-ля-нап.

Эп ки - лё-шён ку-ля-нма-стап, ки - лей - ме-ншён шу-тсáр ку-ля-нап.

этих слуховых записей. Ведется также поиск вариантов к текстам, зафиксированным чувашским композитором, в фольклорных коллекциях, записанных в Поволжье (Янтиковский район Чувашии, Чистопольский район Татарстана, Зилаирский район Башкирии). Подробно и всесторонне рассмотренная и изданная рукопись С.М. Максимова, без сомнения, послужит уникальным, единственным в своем роде свидетельством о бытовании чувашского фольклора в Сибири в середине XX в. и явится ценным вкладом как в сибирскую, так и в поволжскую музыкальную фольклористику.

Литература

1. *Исмагилова Е.И., Леонова Н.В., Яковлева А.С.* За чувашскими песнями в Кузбасс // Сельская новь. 2022. № 74 (9283). 11 октября. С. 7.
2. *Исмагилова Е.И., Федотова Е.В.* Тема разлуки в песенном фольклоре чувашских переселенцев Кемеровской области // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 247—257.
3. *Кондратьев М.Г.* Степан Максимов: Время. Творчество. Масштаб личности. Чебоксары: Фонд историко-культурологии. исслед. им. К.В. Иванова, 2002. 334 с.
4. *Кондратьев М.Г.* Чувашская музыка в зеркале параллелей: к проблеме Волго-Уральской музыкальной цивилизации. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 447 с.
5. *Леонова Н.В., Журба А.В., Татарина А.Д.* Фольклорные традиции Прокопьевского района Кемеровской области // Сибирская этномузыкологическая экспедиция: Сравнительное изучение процессов трансформации в интонационных культурах Сибири и Непала. Новосибирск: [б. и.], 2009. С. 44—48.
6. *Татарина А.Д.* Люди и песни из Михайловки // Сибирская этномузыкологическая экспедиция: Сравнительное изучение процессов трансформации в интонационных культурах Сибири и Непала. Новосибирск: [б. и.], 2009. С. 49—55.

E.I. Ismagilova

SONG FOLKLORE OF THE CHUVASH SETTLERS OF THE KEMEROVO REGION: S.M. MAKSIMOV'S MANUSCRIPT AND MODERN AUDIO MATERIALS

Annotation. The article examines the existence of the folk song recorded from the Chuvash settlers of the Kemerovo region in different periods: the middle of the XX and the beginning of the XXI century. The handwritten materials of S.M. Maksimov and modern audio recordings obtained as a result of musical and ethnographic expeditions in 2007 and 2022 are described.

Keywords: song folklore of the Siberian Chuvash, Chuvash composer S.M. Maksimov, folk songs of the Kemerovo region, local folklore tradition.